

Василий Ян

Загадка озера Кара-Нор

ФТМ

Рассказы о необычном

Василий Ян

Загадка озера Кара-Нор

«ФТМ»

1929

Ян В.

Загадка озера Кара-Нор / В. Ян — «ФТМ»,
1929 — (Рассказы о необычайном)

«Под деревьями на берегу Енисея горело несколько костров. Вспышки красного пламени озаряли обветренные лица, желтые полушубки, шапки с наушниками. Блестки играли на темных дулах ружей. Партизаны пили баданный чай, пересмеивались, чинили сбрую и одежду. В нескольких шагах от костров было уже темно. Там стремительно неслась бурная и мрачная река...»

© Ян В., 1929

© ФТМ, 1929

Содержание

I. У партизанского костра	5
II. За Монгольский хребет	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Василий Ян

Загадка озера Кара-Нор

I. У партизанского костра

Под деревьями на берегу Енисея горело несколько костров. Вспышки красного пламени озаряли обветренные лица, желтые полушубки, шапки с наушниками. Блестки играли на темных дулах ружей. Партизаны пили баданный чай, пересмеивались, чинили сбрую и одежду. В нескольких шагах от костров было уже темно. Там стремительно неслась бурная и мрачная река.

– Эй, гвозди! – Хриплый голос покрыл шум разговоров. – Укладывайся на боковую. Парома, видно, не дожидаться. Завтра чуть свет начнем плавить коней.

– Ладно, Турков, дай уздечку справлю. Коли не выдюжит, коня потеряю, – он дикий, монгольский.

Из-под лохматой папахи торчал непослушный белокурый завиток. Молодое лицо Кадошникова склонилось над сыромятными ремнями. Ловко работало шило, всучивалась дратва.

Рядом на черном изогнутом корне корявого тополя сидел партизан в синей монгольской шубе. На широкой груди, расшитой черным плисом, распласталась рыжая борода. В голубых глазах прыгали искры костра. Заскорузлая пятерня доставала из розового ситцевого мешка сухарные крошки, сыпала в деревянную миску, поливая мутным чаем из прокоптелого жестяного чайника. Огонь костра и тихая ночь располагали к мечтательности.

– Ядреная наша страна Урянхай¹! – говорил, расчесывая пальцами бороду, Колесников. – Сколько землицы и какого только зверя здесь нет. Какая птица! А рыбы всякой в Енисее сколько хошь.

– Только достань сперва ее, – буркнул мрачно парень, не отрываясь от уздечки.

– И достану! Все крестьянин могит достать, надо только, чтобы смекалка была в черепушке.

– А вот достань рыбу из нашего озера Джагатай², если рыба-то сверху вниз ушла.

– Поглубже невод спустить, дно зачерпнуть...

– А если у нашего озера дна нет?

– Дна нет? А на чем вода держится?

– У нашего озера подземный ход под хребтом Тануолой к другому озеру, что в Монголии. Говорят, что рыба кочует из того озера в это и назад. Буря подыметесь, воду всколыхнет, рыба к берегу всплывает, мы ее тогда неводами и подтягиваем. А дна у озера нет: сколько ни спускали мы бечеву с камнем, никак не достает, а кто-то вроде как перетирает бечеву. Вроде как зубом.

– Это ты, паря, брешешь. Кто же это бечеву будет в озере перетирать? Поди, цепляется за дно.

Кадошников поднял ремни в руках, потянул их, зацепив ногой в мягком бродне, и взглянул на рыжего:

– А ты не слыхал про черного гада, что сидит в монгольском озере?

Колесников закатил глаза к небу и показал белки.

¹ В царской России и в описываемое время Урянхаем (Урянхайским краем) называлась Тувинская АССР. Урянхи, сойоты – тувинцы.

² Озеро Джагатай находится на юге Тувинской АССР.

– Это, поди, тоже брехня.

– Спроси Хаджимукова. Своими зенками видел. Вот он... Эй, Хаджимуков!

У соседнего костра стоял высокий партизан, весь зашитый в бараньи шкуры. За спиной болталась винтовка с подогнутой сошкой.

– А ежели он видел, почему не притащил на аркане? Коли увидел черного гада, взял бы его живьем и послал в Москву. Пусть видят, какие звери в нашем краю водятся.

– Такого подлого гада в Москве кормить не станут. Перетопить его на сало, красноармейцам сапоги мазать.

Хаджимуков подошел: глаза раскосые, скулы выдаются, борода жесткая, что из конской гривы.

– Что, брат, Кадка рябая? В дорогу ехать, так шорничаешь?

– Коня мне Турков такого дал, что узда сразу надвое. А завтра его надо через Енисей плавить.

– Поди, утопишь... Чего кликал?

– Садись, Хаджимука. Колесников не верит, что ты гада видел, говорит: «Брешет косоглазый».

– Я-то не видел? А это что? – И Хаджимуков сунул к носу Колесникова нагайку. К деревянной ручке был прикреплен четырехгранный ремень толщиной в палец.

Колесников взял нагайку, пощупал ремень пальцами, попробовал на зуб. Кадошников тоже впился глазами и ткнул ремень шилом.

– Это от какого же зверя будет? Неужто от гада?

– Сказал – от гада! Это только от сосунка евойного. А с самого гада шкуры не снять, если и всех наших шорников сгомонить.

– А и врешь ты! Все вы, абаканские татары, путаники!

– Садись! Не серчай! Расскажи толком. – Кадошников схватил за полу владельца диковинной нагайки. – Садись! Кури! – Он сунул ему кисет с табаком.

Хаджимуков сел к костру и набил табаком длинную самодельную трубку из кизилового сучка.

II. За Монгольский хребет

— Помните, прошлым летом, когда отряд Бакича наступал из Монголии, прискакал, как вот и сейчас, гонец от Туркова и поднял всех партизан собираться на белобандитов. «Торопитесь, — говорит. — А то перевалит он хребет, бои пойдут на наших хлебах, поселки пожгут. Какая нам будет корысть? Надо их ухватить, пока они наступают в Монголии, по дороге к нам». Мы, конечно, на коней, у кого коня не было, отобрали у старожилов — марш маршем под хребет. Дальше дорога на Улясутай³ торная, — поди, каждый из нас туда пробирался. Командиром избрали Кочетова. Он не повел по прямой дороге. «Это, — говорит, — зря стукнемся им в лоб. Расшибемся об их пулеметы». А повел он наших парней поза сопками, охотничьими тропами. Главная сила пошла слева от дороги, а нас, человек с десятка, Кочет послал справа, пошарить по сопкам: не замышляет ли Бакич ту же обходную уловку? Вот тут-то и начался переплет.

Наш десяток ехал не скопом, а разбился по тропам. Мне с Бабкиным Васькой пришлось переваливать через гору Сарыяш. Сперва мы ехали между отрогами, по ущельям, что елкой да чащей поросли. Потом стали подниматься голым таскылом⁴. Там дорога стала идти бомами⁵ понад обрывами. Внизу сажен на десять поблескивал ручей. А кругом него болото, мшаники, бурелом навален — самое медвежье место. Переезжать через такие ручьи — последнее дело: лошади вязнут по брюхо. Мы и подались кверху, к вершинам, где пошли кедрачи. А троп много, потому зверья до черта, всюду видны следы. То вдавилась медвежья треугольная пята, то кусты объедены — лось проходил, то промелькнет между деревьями желтый бок маралухи.

³ Улясутай — первый город на пути в Монголию, в 350 км от границы.

⁴ Таскыл — скалистая, безлесная вершина.

⁵ Бомы — карнизы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.